

Иосиф

БРЕЙДО

ПОКУДА НЕ ОТПУЩЕНЫ ГРЕХИ...

* * *

И.В. и Т.К.

Мы в молодости верили в удачу,
 Ответ готов был на любой вопрос,
 И не боялись ничего всерьёз,
 Ведь в юности быть не могло иначе.
 Хватало силы, путь казался прост,
 И искренне друг другу были рады,
 Светилась жизнь в распахнутых глазах...
 А ныне в оплывающих телах
 Узнаешь ли без внутренней досады
 Тех, кто с тобой бывал на небесах?
 Так жизнь из нас любого потрепала,
 Что не узнать на улице в лицо,
 Но, улыбнувшись, вымолвишь слово,
 И можно снова начинать сначала,
 Коль нас судьба свела, в конце концов.
 Возможно наше будущее – зыбко,
 Пусть солнце затемяют облака,
 Но знаем мы уже наверняка,
 Что голос неизменен и улыбка
 И что друг другу мы нужны пока.

03. 2014. Таллинн

* * *

Ах, как надеялись
 и верили с тобой мы оба,
 Что эта страсть – любовь
 связала нас с тобой до гроба,

Да всё до пепла выжгло
 беспощадно пламя страсти,
 Но пролетели времена
 её ревнивой власти,
 Терпеть диктат которой
 стало муторно и тошно.
 Ушла, и возратить,
 как ни старайся, невозможно...
 Но нас с тобой обволокли
 невидимые сети,
 Прочней таких, возможно,
 не было на этом свете.
 Ведь друг без друга жить
 у нас никак не получилось,
 Нам, видно, выпала с тобой
 божественная милость:
 Теперь вдвоём переживём
 все беды и напасти,
 Любовь – лишь то, что проросло потом
 из пепла страсти.

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ЖИЗНЬ

Шестнадцатого августа,
 в сорок втором, под Ржевом
 Убит в бою, в последнем для него
 и в самом первом.
 И не было девятнадцати парню.
 Звали Хаим.
 Навеки лечь под Ржевом
 выпала судьба такая.
 Лежит в Полунино,
 среди других в могиле братской,

Подонки его имя
 часто мажут грязной краской.
 Но Хаим – это не кличка
 и не бранное слово:
 Означает жизнь, и более ничего другого...
 Написал письмо
 за месяц до последнего боя:
 «Всё хорошо со здоровьем
 и с моею судьбою,
 Не беспокойтесь, родители,
 жизнь в полном порядке,
 Только нет карандашей
 и для писем нет тетрадки.
 Кормят три раза в день,
 будто за пазухой у Бога,
 Но вот куриная слепота
 мешает немного.
 В нашей деревне сейчас спокойно:
 время летнее,
 Да, юнкерс сбросил бомбы,
 но на село соседнее.
 Скоро на позиции...
 Что нового у нас дома?
 Ну, вот и всё. Пока.
 Привет всем родным и знакомым...»
 Повторяю: погиб он под Ржевом,
 не под Ташкентом,
 И я, пока жив,
 буду напоминать всем об этом.

В.В.П.

Учитель, перед именем Твоим...

Мы в юности настойчивы, но слепы,
 Бросаясь в мир заманчивых идей,
 Не слушали своих учителей:
 Любой совет казался нам нелепым.
 Но после самой первой неудачи
 Смирненно возвращались мы назад,
 И виновато прятали глаза,
 И слушали наставника иначе.
 Не оттого, что гладил по головке:
 Суровым был и жёстким он порой.
 Трудом считал науку – не игрой,
 И оправданий не любил неловких.
 Нам показал дорогу к храму знаний,

Чтоб не учили догмы наизусть,
 Но шли своим путём, тернистым пусть,
 Не требуя награды или дани...
 Вокруг развал от края и до края,
 Болезни донимали всё сильнее,
 Но он трудился до последних дней,
 Свой личный долг вот так осозная...
 Упрямее с годами и упорней,
 Копаем до основы, до корней,
 И с каждым днём становится ясней:
 Могучий вырос лес на этом корне.

* * *

С.

А в день отъезда обложным дождём
 Нас провожал посёлок Боровое,
 Мы вовремя уехали с тобою,
 Проверенным за много лет путём.
 Отсюда уезжали каждый год
 Мы с грустью
 и надеждой возвращенья,
 Но в этот раз, вздыхая с облегченьем,
 Я понимал, что начался исход:
 Заборами закрыто всё подряд,
 Дворцовые повыше сосен крыши,
 Теперь здесь обитают нувориши,
 И нас никто не позовет назад.

* * *

Вокруг тебя невидимое поле,
 Лишь руку протяни – пробьёт разряд,
 И молнии из глаз испепелят
 Любого, кто попался поневоле
 Под обжигающий тяжелый взгляд.
 Ведь ты с потусторонней силой в доле,
 Ёе слуга иль фокусник, иначе
 Как объяснить, что не нужны слова,
 Когда срываешь взглядом покровы,
 И кто-то сзади безутешно плачет.
 А следом слухом кормится молва,
 Что за тобою следует удача,
 Что у тебя талант и нюх особый:
 Сквозь стены видеть будущий расклад,
 Как солнце всходит, и его закат...

Пусть взглядом
ты доводишь до озноба,
Но знаешь, как тебе я страшно рад.
Поможешь обмануть судьбу?
 Попробуй.

* * *

Когда потянешься к заманчивой удаче,
Она обманет, не бывает ведь иначе,
Тогда вернёшься,
 как всегда бывало прежде,
К родной, потрёпанной,
 но преданной надежде.
Благодари судьбу, коль это удаётся,
Пусть будет так всю жизнь,
 покуда сердце бьётся.

* * *

Я попадал так часто невпопад,
И в этом сам, конечно, виноват.
Бывает, жизнь с весёлым матерком
Приложится тяжёлым кулаком,
Но не ищу тогда на стороне
Врагов, покоя не дающих мне,
Сам сотворил – и сам держу ответ,
Пока другого варианта нет.
И не надеялся я точно никогда,
Что выпадет счастливая звезда,
Иль вытянет базарный попугай
Билет, пусть замусоленный, но в рай.
А потому удачу за провал
Обычно по привычке принимал.
И научился отвечать за тех,
С кем разделял я слёзы или смех.
Что проиграл и что сумел сберечь –
Мой щит всё это и, конечно, меч.

* * *

Необъятные дали и просторы степей,
Что ложились покорно
 под копыта коней
Орд, прошедших сквозь степи
 с огнём и мечом,
Их следов не осталось нигде
 и ни в чём.

Где номады Турана
 поднялись на крыло,
Там владения ныне ковылей да орлов,
А где бился с врагами
 кочевник-кипчак,
Саксаулы, полынь,
 овсецы да типчак
На вершинах
 курганов могильных трава,
Кто лежит там,
 не помнит людская молва...
По заросшим могилам
 бродят вольно стада,
Захватить степь возможно –
 победить никогда.
Ослепительно солнце
 над степью горит,
Помнит всех только небо,
 и, может, Тенгри.

* * *

Отпели свои песни соловьи,
И соловьиные зачали рощи.
Слаб человек, и вечной нет любви,
Ведь без неё надёжнее и проще.
Упала пелена с прозревших глаз,
И слышатся совсем иные песни,
Несмело улыбаешься подчас,
Пусть на лице ещё следы болезни.
А в жизни снова наступают дни,
Когда другие замечаешь лица,
И если до сих пор ведёшь дневник,
То запиши: «Сумел освободиться».
Кровь не бурлит, её спокоен ток,
Душа неуязвима и бесплотна,
И даже в том, наверное, есть толк,
Что не горишь от ревности животной.
Всё, слава богу, – тишина, покой...
Вдруг молния сверкнёт помимо воли
С неистовою силою такой,
Что сердце вновь замрёт
 от сладкой боли...
Пусть в памяти на миг
 сверкнула страсть,
И от неё – лишь сполохи и тени,
Но оказалось, чтобы не пропасть,
Прожить нельзя без этих наваждений.

* * *

Переходя из праха в прах,
в коротком, в общем, промежутке
испытывал, случалось, страх
и временами ужас жуткий.
Но на извилистой тропе
хорошее встречалось чаще,
тогда я в полный голос пел,
а жизни аромат пьянящий
сводил с ума, и потому
смеялся, за такую малость,
когда я видел свет сквозь тьму,
мне многое легко прощалось.
И снисходительно хранил
меня мой ангел неизвестный,
он, может, – из последних сил,
а мне – всю жизнь с ним интересно.

* * *

Я резок, может быть,
но помолчи, хоть малость,
Дослушать песню дай,
ведь сколько же осталось
дышать и петь не в такт,
куплеты пропуская...
И вспомнить невпопад,
как близко нам до края.
Жизнь тяжелей порой,
чем на ногах колода,
И, несмотря на всё,
жить до сих пор охота.
Бывает всё не так, преследуют напасти,
Но нету ничего сильнее этой страсти.

И пусть не раз судьба
нас шрамами пометит,
Надеюсь, встретимся ещё
на этом свете.

* * *

Покуда не отпущены грехи,
Есть времени немного для ошибок,
Пусть недоступен горизонт и зыбок,
Но надо всё же дописать стихи,
Уйти от суеты и шелухи,
Начать давно задуманное дело
И не бросать его на полпути,
А что назначено, без ропота пройти,
До самого последнего предела,
Пока судьба к тебе не охладела.

* * *

Раздался трубный глас
из поднебесных далей:
– За что тебя прощать,
мы так и не узнали.
Ведь ты же, как и все,
грешил под этим небом?
– Я не писал стихи
ради краюхи хлеба.
И не был никогда
придворным я поэтом,
Но не было и дня,
чтоб пожалел об этом.

г. Караганда

